

ПРАВО

Научная статья

УДК 347.51(470+571):341.655

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/136-153>

Иностранные односторонние принудительные меры и невозможность исполнения обязательства

Дмитрий Александрович Шапортов✉

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Российская Федерация

✉ dima_shaportov@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Россия столкнулась с применением в отношении неё односторонних принудительных мер (санкций) иностранными государствами. Статья посвящена исследованию юридической природы и особенностей применения санкций в международном публичном и частном праве. Автором проанализированы различные точки зрения по рассматриваемой теме с учётом российской и иностранной доктрины. Исходя из позиции по данному вопросу России, «Группы 77» и Азиатско-Африканской консультативно-правовой организации (AALCO), представляющих около 70% государств планеты, делается вывод о существовании в обычном международном праве запрета использования односторонних принудительных мер. Исследованы подходы к соотношению санкций со сверхимперативными нормами и публичным порядком государства, а также представлен анализ российской судебной практики по вопросу квалификации иностранных санкций как обстоятельства, влекущего невозможность исполнения обязательства. Отмечается ошибочная практика российских судов путем ссылки на публичный порядок для обоснования отказа в применении иностранных правовых предписаний, устанавливающих санкции, при рассмотрении сугубо внутренних споров. Исследуется проблема отсутствия единой позиции судов как по вопросам допустимости освобождения стороны от ответственности при наличии препятствия в виде санкций, так и по вопросам квалификации этих санкций. В статье уделяется внимание критерию непредвидимости непреодолимой силы в контексте рассматриваемых мер, содержится критика возложения судами на стороны обязанности предвидеть ужесточение санкционных ограниче-

ний в отношении России. Сделан вывод о необходимости рассмотрения иностранных односторонних принудительных мер как вопроса факта, допускающего квалификацию соответствующих отношений по п. 3 ст. 401 ГК РФ и ст. 416 ГК РФ.

Ключевые слова: санкции, принудительные меры, непреодолимая сила, невозможность исполнения, договор, освобождение от ответственности, публичный порядок

Для цитирования: Шапортов Д.А. Иностранные односторонние принудительные меры и невозможность исполнения обязательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 2. С. 136–153.

LAW

Original article

Foreign Unilateral Coercive Measures and Impossibility of Obligation Performance

Dmitry A. Shaportov[✉]

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ dima_shaportov@mail.ru

Abstract. Currently, Russia is facing unilateral coercive measures (sanctions) imposed by foreign states. This article is devoted to the study of the legal nature and features of the qualification of sanctions in international public and private international law. The author outlines different points of view on the topic in question, analysing Russian and foreign doctrines. Taking into account the position of Russia on this issue, the Group of 77 and the Asian African Legal Consultative Organization (AALCO), representing about 70% of the states of the planet, the author of the article has come to a conclusion that there is a prohibition in customary international law on the use of unilateral coercive measures. The article examines approaches to the relationship between sanctions and overriding mandatory provisions and the public order of the state; and also presents an analysis of Russian judicial practice on the issue of qualification of foreign sanctions as a circumstance leading to the impossibility of obligation performance. The erroneous practice of Russian courts of citing public policy rules to justify the refusal to apply foreign legal regulations establishing sanctions when considering purely domestic disputes is noted. The author identifies the problem of the lack of a unified position of the courts both on the issue of the admissibility of releasing a party from liability in the presence of an impediment in the form of sanctions, and on the issue of qualification of these sanctions. The article pays attention to the criterion of unforeseeability of irresistible force in the context of the measures in question, and criticizes the courts approach to oblige the contract parties to foresee the tightening of sanctions

restrictions against Russia. The author concludes that it is necessary to consider foreign unilateral coercive measures as an operation of fact, allowing the qualification of the relevant relations under paragraph 3 of Art. 401 and Art. 416 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: sanctions, coercive measures, irresistible force, impossibility of performance, contract, exemption from liability, public policy

For citation: Shaportov D.A. Foreign unilateral coercive measures and impossibility of obligation performance. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 2, pp. 136–153. (In Russ.).

Введение

В XXI в. Россия столкнулась с беспрецедентным количеством политических и экономических санкций. Это сделало актуальным изучение влияния государственных ограничений на международную торговлю. Прежде чем перейти к исследованию вопроса ответственности должника при невозможности исполнения обязательства (предметом исследования в целом являются только случаи невозможности исполнения, а не затруднения) ввиду иностранных экономических ограничений, необходимо установить природу этих ограничений.

Природа «санкций» по международному праву

Сам термин «санкции» вызывает множество вопросов. Научные труды многих авторов посвящены изучению правильности использования данной категории для обозначения соответствующих государственных ограничений. В праве выделяется три категории, которые могут быть рассмотрены применительно к современным экономическим мерам недружественных государств: принудительные меры (контрмеры и санкции) и реторсии.

Исследованию данных понятий посвящена работа Я.С. Кожеурова [1]. Среди признаков, предложенных автором, следует выделить несколько. Так, Я.С. Кожеуров отмечает, что к признакам контрмер относится их использование исключительно потерпевшим государством. Причём контрмеры должны при нормальных условиях представлять собой противоправное деяние государства, не соответствующее международно-правовому обязательству этой страны в отношении другого государства, если бы не их принятие в ответ на незаконные шаги другой стороны (ст. 22 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния) [2].

Одной из черт санкций является их введение на основании решения уполномоченной международной организации. В этом случае санкции, в отличие от контрмер, не будут иметь указанного внутреннего противоречия («intrinsic contrariety») [3, с. 1135], так как принимаются международной организацией в отношении члена такой

организации на основании правил и процедур, которые были согласованы при вступлении данной страны в число участников. Применительно к рассматриваемой ситуации в качестве санкций могут выступать исключительно меры, принимаемые Советом Безопасности ООН в порядке ст. 41 Устава ООН [4, с. 87]. Меры, которые принимают коллективно страны участники ЕС в отношении третьих стран, например России, не относятся к санкциям, а представляют собой односторонние экономические меры («unilateral economic measures») [5, с. 177].

Существенной чертой реторсий является их непротиворечие международным обязательствам государства, например, запрет на посещение определённой страны своим же собственным гражданам. Более того, реторсии всегда носят ответный характер на дискриминационные действия по отношению к гражданам и организациям определённой страны и не выступают первоначальным инструментом ограничения прав, что подчёркивается в отечественных [6, с. 53] и зарубежных работах [7, с. 166].

Из этого можно сделать вывод, что современные западные ограничения, направленные на подрыв российской экономики, не могут быть отнесены ни к одной из описанных категорий. Например, ни ЕС, ни США не являются потерпевшими от российских действий на Украине, а значит, не могут вводить контрмеры. Для использования санкций отсутствует соответствующее решение Совета Безопасности ООН. Принятые коллективным Западом меры по лишению российских граждан, организаций и публично-правовых образований возможности иметь доступ к своему имуществу за границей, которые не носят ответного характера на аналогичные действия российской стороны, представляют собой явное нарушение международных обязательств и не могут быть квалифицированы в качестве ответных мер – реторсий.

Таким образом, распространение на Западе термина «санкции» обусловлено исключительно желанием соответствующих стран придать используемым мерам коллективный и легитимный характер, будто они принимаются на основании решения уполномоченной международной межправительственной организации и поддерживаются всем миром.

Тем не менее в мире идёт дискуссия о том, возможно ли отнести односторонние принудительные меры к новой самостоятельной правовой категории обычного международного права ввиду того, что формально данные мероприятия прямо не запрещены в международном праве. Например, США полагают, что односторонние экономические меры представляют собой инструмент реализации суверенного права государств отвечать на угрозы своим интересам. Причём термин «угроза» в этой стране понимается максимально широко. Так, под ней понимается в том числе нарушение прав человека в иностранном государстве [5, с. 199]. Комментируя применяемые вторичные санкции, Госсекретарь США отметил, что они могут применяться и в том случае, когда иностранное предприятие взаимодействует с субъектом, в отношении которого были введены ограничения, даже если такая деятельность напрямую

вовсе не затрагивает США [8]. ЕС обосновывает свою санкционную политику уже не угрозой своей безопасности, а наличием противоречия поведения субъекта международному праву и этическим нормам [5, с. 199].

В то же время другая часть света имеет иной подход к исследуемой проблеме. Официальная позиция нашего государства недвусмысленно отражена в Декларации Российской Федерации и КНР о повышении роли международного права [9], в п. 6 которой закрепляется, что односторонние санкции являются примером навязывания некоторыми государствами собственной воли другим государствам, что противоречит международному праву. Аналогичная позиция зафиксирована в п. 6 Совместного коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел России, Республики Индия и КНР [10].

В 2014 г. Азиатско-Африканская консультативно-правовая организация (AALCO), насчитывающая почти 50 стран-участниц [11], приняла на своей 53-ей ежегодной сессии Резолюцию «Экстерриториальное применение национального законодательства: санкции, налагаемые против третьих лиц» [12], в которой закрепляется, что введение односторонних санкций в отношении третьих сторон является нарушением Устава ООН и противоречит общим принципам международного права.

В сентябре 2023 г. на саммите «Группы 77» была принята Гаванская декларация «Современные вызовы развития: роль науки, технологий и инноваций» [13]. Согласно п. 8 данной декларации, нормативно-правовые акты экстерриториального действия и другие формы принудительных экономических мер, включая односторонние санкции против развивающихся государств, противоречат международному праву и Уставу ООН. Стоит отметить, что участниками «Группы 77» являются 134 государства [14], что вместе с представленной позицией России составляет 135 стран. В ООН представлено 193 государства [15]. Следовательно, можно утверждать, что 70% государств нашей планеты, включая самое крупное по территории и самые густонаселённые страны, выступают против легитимации односторонних принудительных мер.

В заключение приведём мнение немецкого профессора П.С. Терри, который в своей работе проанализировал большое количество доктринальных источников, судебной практики и правовых актов в сфере международного права по рассматриваемому вопросу. В результате исследования П.С. Терри пришёл к выводу, что многочисленные возражения против позиции США по экстерриториальному действию их санкционных ограничений не только предотвратили появление соответствующей разрешительной нормы международного права, но фактически привели к установлению запрета такого действия односторонних ограничений в соответствии с обычным международным правом [16, с. 17].

Таким образом, в настоящее время представляется разумным считать односторонние принудительные меры (санкции) незаконными действиями государств по

обычному международному праву. По крайней мере, при появлении соответствующего правового вопроса позиция российских судов должна строиться на официальной позиции России о недопустимости применения исследуемых мер.

Допустимость принятия российским судом во внимание односторонних принудительных мер

Теперь перейдём к рассмотрению проблемы освобождения должника от гражданско-правовой ответственности при наличии препятствующих исполнению обязательства обстоятельств в виде иностранных экономических ограничений (далее анализ будет проводиться исключительно в отношении введения нарушающих требования международного права односторонних принудительных мер иностранными государствами).

Представленная ранее квалификация экономических ограничений как мер, противоречащих международному праву, имеет значение и для международного частного права. Пункт 1 ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации [17] (далее – «ГК РФ») закрепляет, что коллизионные нормы права России не затрагивают действие норм непосредственного применения, регулирующих отношения независимо от подлежащего применению права. В соответствии с п. 2 ст. 1192 ГК РФ при применении права какой-либо страны суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву это страны такие нормы являются нормами непосредственного применения.

В доктрине присутствуют два подхода относительно возможности квалификации экономических ограничений (санкций) как сверхимперативных норм. Согласно первому подходу, такая квалификация недопустима ввиду публично-правовой природы данных предписаний и их действия независимо от частного права [18, с. 88]. По мнению В.А. Канашевского, «нормы таможенного, валютного, налогового законодательства по общему правилу не могут применяться зарубежными судами, хотя зачастую оказывают определяющее влияние на регулирование частноправовых отношений» [19, с. 140].

В соответствии со вторым подходом принудительные меры государств можно рассматривать в качестве норм непосредственного применения. В доктрине предлагается выделять особую категорию предписаний, которые регулируют в основном публичные аспекты хозяйственной деятельности, применяются независимо от применимого к договору права и влияют на возможность исполнения обязательства. А.В. Асосков рассматривает данные нормы в составе категории «право иностранцев» [20, с. 19–20] и относит к ним, в частности, государственные экономические ограничения (санкции), которые могут быть тесно связаны с обстоятельствами непреодолимой силы. Автор считает, что сверхимперативный характер для суда

должны иметь соответствующие нормы как российского, так и иностранного «права иностранцев».

Помимо этого, в доктрине отмечается, что п. 2 ст. 1192 ГК РФ распространяет своё действие, в частности, на ситуации, когда иностранные предписания должны быть применены в деле ввиду того, что они выражают определенную государственную политику государства в стране, где они действуют [21, с. 386]. Считается, что представленный подход получает всё большее распространение [18, с. 88].

В случае использования последнего подхода к квалификации экономических ограничений может сложиться следующая ситуация. При рассмотрении судом иностранных санкций (т.е. нормативных актов, устанавливающих ограничения) в качестве обстоятельств непреодолимой силы суд по сути осуществит применение к отношениям норм иностранного права. В этом случае становится невозможным освобождение стороны от ответственности ввиду того, что, во-первых, суд не может руководствоваться нормами, противоречащими международному праву, в отношении которых имеется официальная позиция государства суда. А во-вторых, согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 [22], суд обязан отказать в применении иностранной нормы непосредственного применения, если ее назначение и характер несовместимы с основами правопорядка (публичным порядком) России.

Таким образом, в этом случае суд попадает в сложную ситуацию. С одной стороны, он не должен выносить решение, исполнение которого заведомо будет представлять для должника нарушение закона его страны. Так обычно исключается принудительное исполнение неденежного обязательства в натуре, но не взыскание денежных средств (в частности убытков). Однако современные исследования указывают, что и уплата денежных средств может стать невозможной ввиду, например, запретов проведения банковских операций [23, с. 141]. С другой стороны, суд не может освободить должника от ответственности, так как это будет автоматически свидетельствовать о применении норм, противоречащих международному праву и российскому публичному порядку, даже в том случае, когда суд посчитает справедливым «заморозить исполнение» и освободить сторону от ответственности на время существования ограничений.

А.Г. Аксенов предлагает решить данную проблему освобождения лица от ответственности не путём квалификации иностранных санкций как норм непосредственного применения, а путём квалификации последствий иностранных санкций как фактических обстоятельств, создающих препятствие к исполнению [18, с. 94]. Такой подход автора основан на правоприменительной практике немецких судов, который описывается в зарубежной доктрине.

Так, Койперс Ян-Яап отмечает, что ввиду отсутствия в праве Германии нормы (аналога п. 2 ст. 1192 ГК РФ), устанавливающей возможность применения сверхим-

перативных норм иностранного права, немецкие суды в исследуемый автором период времени не имели даже юридической возможности учитывать юридические ограничения иностранных государств [24, с. 147]. Тем не менее на практике не сложилось правило об автоматическом отказе в освобождении стороны от ответственности ввиду невозможности исполнения обязательства в силу иностранных правовых предписаний. Решением проблемы стал подход, по которому «иностранные нормы непосредственного применения могут быть квалифицированы как вопрос факта, а не вопрос права» [24, с. 147]. Одним из дел, которое получило известность в немецкой доктрине, стал спор между немецкой и иранской компаниями о поставке пива в Иран после запрещения в Иране подобного импорта под угрозой смертной казни. Федеральная судебная палата Германии (Bundesgerichtshof) в 1984 году при рассмотрении данного дела применила положения об изменении обстоятельств, послуживших основой для заключения договора [25, с. 272] (*der Wegfall der Geschäftsgrundlage*), чем учла ситуацию в Иране как вопрос факта [26]. Позже такой вариант решения проблемы распространился и в других европейских странах [27, с. 77–78].

С нашей точки зрения, данный подход абсолютно справедливый и юридически обоснованный. Невозможность исполнения договора должна устанавливаться на основании осуществимости исполнения должником своих обязанностей в том правовом режиме, в рамках которого предполагается совершение должником действий, направленных на соблюдение контракта. Если у должника отсутствует возможность исполнить обязательство и при этом не нарушить распространяющиеся на него правовые предписания, то он должен при наличии прочих условий иметь возможность заявить об освобождении его от ответственности.

Перейдём к анализу российской доктрины и судебной практики по вопросу о квалификации санкций как основания освобождения стороны от ответственности.

М.Г. Дораев и Л.Н. Мисник, проанализировав судебную практику до 2018 г., пришли к выводу, что как в делах, где суды признали санкции основанием освобождения стороны от ответственности, так и в делах, где суды пришли к противоположному выводу, отсутствует «общий подход» к обоснованию мотивировки решения [28, с. 124, 126]. Т.И. Нестерова и А.С. Кочнев отмечают, что по данному вопросу нет ни однозначной судебной практики, ни единого подхода в науке [29, с. 210–211]. Проанализировав противоречивую судебную практику 2020–2021 гг., А.В. Дашко в своей монографии приходит к выводу, что «у судов отсутствуют четкие ориентиры относительно того, следует ли признать введение экономических санкций в отношении России обстоятельством непреодолимой силы или нет» [30, с. 21].

В 2023 г. М.О. Чокорая и Ю.Ю. Надежин также представили крупную работу, посвящённую исследованию поставленной проблемы [31]. Анализируя актуальные судебные акты 2018–2023 гг., авторы отмечают и высоко оценивают решение по делу № А40-171207/17-111-1562 [32], в котором суд приходит к выводу, что иностранные

односторонние меры – это нормы, противоречащие российскому публичному порядку, а потому они не подлежат применению. Далее авторы приводят ещё несколько отечественных судебных актов с аналогичным аргументом суда.

Однако М.О. Чокорая и Ю.Ю. Надежин не учитывают, что из приведённых пяти судебных актов по четырём делам в трёх из них в принципе отсутствовала проблема применения иностранного права ввиду отсутствия иностранного элемента в отношениях [32], [33], [34]. Следовательно, нормы Раздела VI ГК РФ «Международное частное право» не подлежали применению. Суды ошибочно ссылались на правило ст. 1193 ГК РФ, имея в виду то, что санкционные ограничения в России не действуют, однако не потому что они «подлежат применению», но противоречат публичному порядку России (как того требует норма), а потому что они по своей природе не обладают экстерриториальным характером.

В последнем деле [35] спор был между российской и иностранной компаниями. Нормы Раздела VI ГК РФ подлежали применению. Однако суд, признавая недействительным односторонний отказ иностранной компании от договора, одновременно со ссылкой на публичный порядок отметил и другое, на наш взгляд, более существенное и верное основание для отказа в учёте иностранных санкций: факт их нераспространения на договоры, заключённые до принятия этих санкций, ввиду прямого предписания акта, которым эти ограничения были введены. То есть данные нормы также не подлежали применению к отношениям в принципе, и суду не следовало дополнительно обосновывать свою позицию ссылками на публичный порядок России.

Более того, далее сами же авторы приводят позицию Верховного Суда России (далее – «ВС РФ») из Определения ВС РФ от 20 августа 2018 г. № 307-ЭС18-11373 [36], в котором высшая судебная инстанция приходит к выводу, что иностранные санкции могут быть обстоятельствами непреодолимой силы и должны учитываться российскими судами. А это также свидетельствует о том, что судебная практика России имеет достаточно противоречивый характер в рассматриваемой области.

Если обратиться к поисковой системе КАД «Арбитр», то даже в 2024 г. можно обнаружить прямо противоположные судебные позиции о квалификации иностранных санкций и о возможности принятия их во внимание.

Первый подход состоит в недопустимости квалификации иностранных экономических ограничений в качестве непреодолимой силы, будто такое правило прямо закреплено в перечне исключений в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Например, в деле № А41-42441/23 суд указал, что «введение экономических санкций, согласно понятию непреодолимой силы, раскрытому в ч. 3 ст. 401 ГК РФ, не может рассматриваться в качестве непреодолимой силы» [37]. Согласно второму подходу, иностранные санкции могут быть основанием для освобождения хозяйствующего субъекта от ответственности, но для этого нужны веские основания. Так, в деле № А40-175071/23-162-

1421 уже отражена следующая позиция: «Введение против России экономических санкций со стороны иностранных государств и международных организаций отвечает признакам обстоятельств чрезвычайной и непреодолимой силы (форс-мажор)» [38].

Таким образом, на сегодняшний день представляется невозможным говорить о единообразном подходе судов к иностранным принудительным мерам и их квалификации. По нашему мнению, суды должны допускать рассмотрение последствий принятия соответствующих норм иностранных государств как обстоятельств, влекущих освобождение стороны от ответственности (как вопроса факта, а не права, без обращения к нормам о российском публичном порядке в целом).

Особенности квалификации односторонних принудительных мер по российскому праву при освобождении стороны от ответственности

Теперь, принимая во внимание допустимость учёта иностранных санкций российскими судами, необходимо понять, со ссылкой на какую норму данные препятствия должны рассматриваться в качестве основания освобождения от ответственности: п. 3 ст. 401 ГК РФ (непреодолимая сила), ст. 416 ГК РФ (фактическая невозможность исполнения) или ст. 417 ГК РФ (юридическая невозможность исполнения).

Ю.Д. Загинайко [4, с. 93] допускает квалификацию иностранных санкций по п. 3 ст. 401 ГК РФ и ст. 416 ГК РФ и приводит в своей работе соответствующую судебную практику. С нашей точки зрения, данная позиция имеет под собой определённые основания, если рассматривать последствия введения иностранных ограничений как вопрос факта, а не вопрос права. В этом случае применение теории фактической невозможности исполнения является более уместным, чем юридической невозможности исполнения. Тем не менее подобная аргументация в данной работе отсутствует.

М.О. Чокорая и Ю.Ю. Надежин говорят о том, что статью 417 ГК РФ для прекращения договора и освобождения сторон от ответственности «нельзя применить к односторонним санкциям, так как они являются неправомерными даже с позиций международного права» [31, с. 111]. Такой подход представляется спорным, так как ст. 417 ГК РФ применяется при юридической невозможности исполнения независимо от правомерности вынесенного акта. В связи с этим законность введения санкций при применении данной нормы вряд ли подлежит установлению.

А.Г. Аксенов, в свою очередь, допускает без ограничений квалификацию иностранных санкций по ст. 417 ГК РФ [18, с. 90]. В частности, автор приводит случай установления иностранных экспортных запретов для российского контрагента, что может привести к применению данной нормы. Помимо этого, А.Г. Аксенов приводит судебную практику применения в данных случаях п. 3 ст. 401 ГК РФ и отмечает, что «в Типовой оговорке ИСС о форс-мажоре в редакции 2020 г. "валютные и торговые ограничения, эмбарго, санкции" рассматриваются в качестве форс-мажорных обстоятельств» [18, с. 96].

Рассматривая вопросы квалификации иностранных односторонних принудительных мер как обстоятельств непреодолимой силы, нельзя оставить без внимания проблему, которую поднимает Е.Ф. Довгань [39, с. 91]: подлежит ли лицо освобождению от ответственности, если оно правомерными действиями в своём государстве совершает действие, которое порицается иностранным государством, в результате чего в отношении него применяются односторонние принудительные меры?

Для России данная тема актуальна как никогда. В связи с проведением Специальной военной операции на Украине любая поддержка армии и отдельных военных может вызвать соответствующую реакцию иностранных государств. В этом случае формально не будет соблюден критерий «непредвидимости» обстоятельства, а значит, не будет основания освобождения стороны от ответственности.

Однако, по нашему мнению, ввиду установления факта незаконности таких ограничений по международному праву их предвидимость не должна быть препятствием для освобождения российского должника от ответственности. Должник не должен нести обязанность предвидения нарушения другим государством международного права (даже если это стало нормальной практикой в наше время), а его право- и дееспособность не должны как-то ограничиваться в части совершения законных действий в своей стране или где-либо ещё, в том числе под угрозой лишения права ссылаться на непреодолимую силу в суде. Обратная ситуация складывается при определении именно недобросовестности стороны договора, которая специально заключила сделку без намерения её исполнить, например для получения финансовой выгоды за счёт предоплаты. В этом случае, по нашему мнению, лицу могут отказать в защите его права (п. 2 ст. 10 ГК РФ) и, соответственно, в применении норм об освобождении от ответственности.

Продолжая рассуждения на тему непредвидимости ограничений, нужно отметить, что в России имеется практика возложения на стороны обязанности предвидения ужесточения санкционного режима даже тогда, когда это не зависит от действий самих сторон. Например, обзревая судебную практику до 2019 г., Е.К. Степаненко [40, с. 78] отмечает два дела, когда суды в такой ситуации указали, что раз договор был заключён в период, когда некоторые санкции уже действовали, то должник должен был ожидать и следующих.

Аналогичную логику суда можно обнаружить и в 2023 г. Так, Арбитражный суд Кировской области рассмотрел дело № А28-1080/2023 [41], в котором спор возник из заключённого в 2021 г. договора поставки между российской (истец) и немецкой (ответчик) компаниями. Российский покупатель перечислил предоплату за товар. Однако после получения ответчиком денежных средств были введены новые санкции от 8 апреля 2022 г. Истец потребовал вернуть предоплату и уплатить неустойку за срыв сроков поставки. Ответчик сослался на невозможность исполнения договора ввиду введенных ограничений Европейским союзом. Суд отказал в применении

норм об освобождении стороны от ответственности ввиду отсутствия непредвидимости санкций. В решении было отмечено: «учитывая, что эмбарго (...) было введено Европейским союзом еще в 2014 году, то, следовательно, поставщик в полной мере мог оценить возможные риски о наличии ограничений осуществления поставки из-за границы». В частности, этот же аргумент привёл суд в деле № А40-204470/2022 [42] о споре между российским заказчиком и нидерландским подрядчиком, не исполнившим в срок своё обязательство по изготовлению бухсиров.

С таким аргументом сложно согласиться. Рассматривая санкции в историческом аспекте, Н.И. Маслакова-Клауберг приходит к выводу, что «Россия имеет многовековой опыт существования в условиях санкций, начиная с момента формирования своей государственности». (Далее автор уточняет и указывает 1547 г., год венчания на царство Ивана IV Грозного, как исходную точку отсчёта) [43, с. 32]. Премьер-министр России М.В. Мишустин в своём выступлении в 2020 г. отметил: «Последние 150–200 лет Россия или Российская империя без санкций не существовала» [44]. В связи с этим в исторической перспективе очередное введение санкций против нашей страны является ожидаемым. Получается, что, следуя приведённой позиции судов, неправильно говорить о непредвидимости санкций в принципе. А это по сути означает исключение признания каких-либо односторонних ограничений основанием освобождения стороны от ответственности, что представляет собой очень грубый, абсолютизированный и несправедливый подход. Поэтому определённо необходимо выработать другой критерий для подобных ситуаций, иначе обосновать последующую невозможность исполнения договора ссылкой на государственные ограничения станет просто невозможно.

Вывод

Таким образом, в России единый подход к определению норм, которые могли бы регулировать освобождение от ответственности при введении иностранных санкций отсутствует. С нашей точки зрения, решение проблемы в данном случае должно состоять в признании возможности квалификации иностранных односторонних принудительных мер в качестве основания освобождения стороны от ответственности и прекращения обязательства. Причём абсолютно не важно, вводятся ли меры против иностранного контрагента-должника, самого российского кредитора или государства в целом. Невозможность исполнения ввиду иностранных санкций необходимо рассматривать как вопрос факта. В этом случае будут отсутствовать какие-либо ограничения их квалификации по п. 3 ст. 401 ГК РФ и ст. 416 ГК РФ. Об этом свидетельствует и международная практика. Дополнительно отметим, что поскольку говорить одновременно и о юридической невозможности исполнения, и о решении вопроса факта при определении невозможности соблюдения договора в этом случае некорректно, подлежит применению именно ст. 416 ГК РФ при наличии к тому оснований.

Список источников

1. Кожеуров Я.С. Война «санкций» и право международной ответственности // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 179–182.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Приложение. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. 12 декабря 2001 г. Док. ООН A/RES/56/83. URL: <https://base.garant.ru/2565571/>
3. The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. Oxford, 2010. 1296 p.
4. Загинайко Ю.Д. Санкции США и Европейского союза как основание неисполнения обязательства: вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 2. С. 86–98.
5. Hofer A. The developed/developing divide on unilateral coercive measures: legitimate enforcement or illegitimate intervention // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 175–214.
6. Агаларова М.А. Ограничительные меры (реторсии) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 1 (21). С. 52–56.
7. Ерали А. Экономическое санкционное право, или реторсия // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 166–168.
8. Official website of the U.S. Department of the treasury. speech preview: excerpts of secretary lew's remarks on sanctions at the Carnegie endowment for international peace. URL: <https://clck.ru/38Eobq>.
9. Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25.06.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: <https://clck.ru/38EM3t>.
10. Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РФ, Республики Индия и КНР от 18.04.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: <https://clck.ru/38EPcV>.
11. Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: <https://aalco.int/Members>.
12. RES/53/S 6 «Extraterritorial Application of National Legislation: Sanctions Imposed Against Third Parties» 18.09.2014 // Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: <https://clck.ru/38F89c>.
13. Havana Declaration on «Current development challenges: the role of science, technology and innovation» // Official website of the UN. URL: <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2023/09/HAVANA-DECLARATION-2023.pdf>.
14. Official website of the Group of 77. URL: <https://www.g77.org/doc/members.html>.
15. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states>.
16. Terry P.C. Enforcing U.S. Foreign policy by imposing unilateral secondary sanctions: is might right in Public International Law? // Washington International Law Journal. 2020. Vol. 1. P. 1–27.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. ст. 4552.
18. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 86–100.
19. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2009. 752 с.
20. Асосков А.В. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 7–55.
21. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред.: Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. М.: ИНФРА-М: Юридическая фирма «Контракт», 2009. 608 с.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля, № 154.
23. Байбак В.В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 132–143.
24. Kuipers Jan-Jaap. EU Law and Private International Law: The interrelationship in contractual obligations, Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. 370 p.
25. Большой немецко-русский и русско-немецкий юридический словарь. Свыше 100 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. М.: Живой язык, 2013. 512 с.
26. Bundesgerichtshof 8 February 1984 VII ZR 254/82. NJW 1984. 1746. URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VIII_ZR_254-82.
27. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 412 с.
28. Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы: сб. ст. / под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 216 с.
29. Нестерова Т.И., Кочнев А.С. Международные экономические санкции как обстоятельства непреодолимой силы // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 5. С. 210–213.
30. Дашко А.В. Отдельные проблемы прекращения обязательств в гражданском праве: монография / Московский университет им. С.Ю. Витте, кафедра гражданского права и процесса. М.: ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022. 115 с.
31. Чокорая М.О., Надежин Ю.Ю. Тенденции судебной практики в условиях внешнеэкономических ограничений // Арбитражные споры. 2023. № 4. С. 101–130.
32. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-171207/17-111-1562 от 17.01.2018 // КАД «Мой Арбитр».

33. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2022 по делу № А40-144871/2022 // КАД «Мой Арбитр».
34. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.01.2023 по делу № А56-113946/2022 // КАД «Мой Арбитр».
35. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.07.2023 по делу № А40-264063/2022 // КАД «Мой Арбитр».
36. Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2018 № 307-ЭС18-11373 // КАД «Мой Арбитр».
37. Решение Арбитражного суда Московской области от 09.01.2024 г. по делу №А41-42441/23 // КАД «Мой Арбитр».
38. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09.01.2024 г. по делу № А40-175071/23-162-1421 // КАД «Мой Арбитр».
39. Довгань Е.Ф. Ограничительные меры Европейского союза как обстоятельства непреодолимой силы в гражданско-правовом обороте // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 88–94.
40. Степаненко Е.К. Обзор судебной практики: последствия применения иностранных санкционных норм // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 74–81.
41. Решение Арбитражного суда Кировской области от 14.11.2023 по делу № А28-1080/2023 // КАД «Мой Арбитр».
42. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2023 по делу № А40-204470/2022 // КАД «Мой Арбитр».
43. Маслакова-Клауберг Н.И. Санкции против России в дискурсе мировой истории: период Московского государства и Российской империи // Вестник УМЦ. 2022. № 2 (35). С. 29–36.
44. Официальный сайт российского СМИ РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20201026/mishustin-1581672979.html>.

References

1. Kozheurov Ya. S. Voina «sanktsii» i pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti [Warrior “sanctions” and the law of international responsibility]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2015, no. 2 (101), pp. 179–182. (In Russ.).
2. UN General Assembly Resolution 56/83 «Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts». Application. Articles on the responsibility of states for internationally wrongful acts. December 12, 2001. Doc. UN A/RES/56/83. URL: <https://base.garant.ru/2565571/>
3. Crawford J., Pellet A., Olleson S (eds.). *The Law of International Responsibility*. Oxford Commentaries on International Law. Oxford, 2010. 1296 p.
4. Zaginaiko Yu. D. Sanktsii SShA i Evropeiskogo soyuza kak osnovanie neispolneniya obyazatel'stva: voprosy sudebnoi praktiki [Sanctions of the USA and the European

Union as a basis for non-fulfillment of an obligation: issues of judicial practice]. *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 2, pp. 86–98. (In Russ.).

5. Hofer A. The developed/developing divide on unilateral coercive measures: legitimate enforcement or illegitimate intervention. *Chinese Journal of International Law*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 175–214.

6. Agalarova M.A. Ogranichitel'nye mery (retorsii) [Restrictive measures (retorsion)]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*, 2017, no. 1(21), pp. 52–56. (In Russ.).

7. Erali A. Ekonomicheskoe sanktsionnoe pravo ili retorsiya [Economic sanctions law, or retorsion]. *Ekonomika, sotsiologiya i parvo*, 2014, no. 4, pp. 166–168. (In Russ.).

8. Official website of the U.S. Department of the Treasury. Speech preview: excerpts of secretary Lew's remarks on sanctions at the Carnegie endowment for international peace. URL: <https://clck.ru/38Eobq>.

9. The Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Promotion of International Law 25.06.2016. *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://clck.ru/38EM3t>.

10. Joint Communiqué of the 14th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China (Apr. 18, 2016). *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://clck.ru/38EPcV>.

11. Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: <https://aalco.int/Members>.

12. RES/53/S 6 «Extraterritorial Application of National Legislation: Sanctions Imposed Against Third Parties» 18.09.2014. *Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization*. URL: <https://clck.ru/38F89c>.

13. Havana Declaration on «Current development challenges: the role of science, technology and innovation». *Official website of the UN*. URL: <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2023/09/HAVANA-DECLARATION-2023.pdf>.

14. Official website of the Group of 77. URL: <https://www.g77.org/doc/members.html>.

15. Official website of the UN. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states>.

16. Terry P.C. Enforcing U.S. Foreign policy by imposing unilateral secondary sanctions: is might right in Public International Law? *Washington International Law Journal*, 2020, vol. 1, pp. 1–27.

17. Civil Code of the Russian Federation (Part III) 26.11.2001 № 146-FZ. *RF Collection of legislation of the Russian Federation*, 03.12.2001. No. 49. Art. 4552.

18. Aksenov A.G. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh kommercheskikh kontraktov v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii [Legal regulation of international commercial contracts in the context of economic sanctions]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2020, no. 5, pp. 86–100. (In Russ.).

19. Kanashevskii V.A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo*. Moscow, 2009. 752 p. (In Russ.).

20. Asoskov A.V. Kollizionnoe regulirovanie voprosov pravosposobnosti yuridicheskogo litsa i polnomochii ego organov: kak naiti balans mezhdru interesami uchastnikov yuridicheskogo litsa i potrebnostyami grazhdanskogo oborota? [Conflict of laws regulation of issues of the legal capacity of a legal entity and the powers of its bodies: how to find a balance between the interests of the participants of the legal entity and the needs of civil circulation?]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2014, no. 4, pp. 7–55. (In Russ.).

21. Maryshev N.I., Yaroshenko K.B. (eds.). Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti tret'ei (postateinyi) [Comments to the Civil Code of the Russian Federation, part three (article by article)]. Moscow: INFRA-M, 2009. 608 p. (In Russ.).

22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2019 No. 24 “On the application of norms of private international law by the courts of the Russian Federation”. *Rossiiskaya gazeta*. 2019, July 7, no. 154. (In Russ.).

23. Baibak V.V. Obshchie usloviya otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv v st. 401 GK RF: starye pravila v novom kontekste [General conditions of liability for violation of obligations in Art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation: old rules in a new context]. *Zakon*, 2016, no. 10, pp. 132–143. (In Russ.).

24. Kuipers Jan-Jaap. EU Law and Private International Law: The interrelationship in contractual obligations. Leiden; Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 2011. 370 p.

25. Large German-Russian and Russian-German legal dictionary. Over 100,000 terms, combinations, equivalents and meanings. Moscow: Zhivoi yazyk Publ., 2013. 512 p. (In Russ.).

26. Bundesgerichtshof 8 February 1984 VII ZR 254/82. NJW 1984. 1746. URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VIII_ZR_254-82.

27. Zasemkova O.F. Sverkhimperativnye normy: teoriya i praktika [Superimperative norms: theory and practice]. Moscow, 2018. 412 p.

28. Glandina S.V., Doraeva M.G. Ekonomicheskie sanktsii protiv Rossii: pravovye vyzovy i perspektivy [Economic sanctions against Russia: legal challenges and prospects: collection. articles]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2018. P. 98–107.

29. Nesterova T.I., Kochnev A.S. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii kak obstoyatel'stva nepreodolimoi sily [International economic sanctions as force majeure circumstances]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*. 2019, no. 5, pp. 210–213. (In Russ.).

30. Dashko A.V. Otdel'nye problemy prekrashcheniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave [Selected problems of termination of obligations in civil law: monograph]. Moscow, 2022. 115 p. (In Russ.).

31. Chokoraya M.O., Nadezhin Yu.Yu. Tendentsii sudebnoi praktiki v usloviyakh vneshneekonomicheskikh ogranichenii [Trends in judicial practice in the context of foreign economic restrictions]. *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 4, pp. 101–130. (In Russ.).

32. Decision of the Moscow Arbitration Court in case No. A40-171207/17-111-1562 dated January 17, 2018. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

33. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated December 20, 2022 in case No. A40-144871/2022. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

34. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated January 13, 2023 in case No. A56-113946/2022. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

35. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 14, 2023 in case No. A40-264063/2022. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

36. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 20, 2018 No. 307-ES18-11373. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

37. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 01/09/2024 in case No. A41-42441/23. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

38. Decision of the Moscow Arbitration Court dated 01/09/2024 in case No. A40-175071/23-162-1421. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

39. Dovgan' E.F. Ogranichitel'nye mery Evropeiskogo soyuza kak obstoyatel'stva nepreodolimoi sily v grazhdansko-pravovom oborote [Restrictive measures of the European Union as circumstances of force majeure in civil law]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*, 2016, no. 2, pp. 88–94. (In Russ.).

40. Stepanenko E.K. Obzor sudebnoi praktiki: posledstviya primeneniya inostrannykh sanktsionnykh norm [Review of judicial practice: consequences of the application of foreign sanctions]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2019, no. 2, pp. 74–81. (In Russ.).

41. Decision of the Arbitration Court of the Kirov Region dated November 14, 2023 in the case No. A28-1080/2023. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

42. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated March 20, 2023 in case No. A40-204470/2022. *FAC “My Arbitr”*. (In Russ.).

43. Maslakova-Klauberg N.I. Sanktsii protiv Rossii v diskurse mirovoi istorii: period Moskovskogo gosudarstva i Rossiiskoi imperii [Sanctions against Russia in the discourse of world history: the period of the Moscow State and the Russian Empire]. *Vestnik UMTs*, 2022, no. 2(35), pp. 29–36. (In Russ.).

44. Official website of the Russian media RIA-Novosti. URL: <https://ria.ru/20201026/mishustin-1581672979.html>.

Информация об авторах

Д.А. Шапортов – аспирант Института «Аспирантура и докторантура» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация, dima_shaportov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-6336>

Information about the authors

D.A. Shaportov – Postgraduate Student of Institute of Postgraduate and Doctoral Studies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, dima_shaportov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-6336>

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 23.04.2024.

The article received 24.02.2024; revised 19.04.2024; accepted 23.04.2024.